

Научная статья

УДК 80; 009; 130.122

DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-230-249

Созерцание как компонент познавательного процесса

Василий Иванович Кузин¹

Наталья Викторовна Максимова²

^{1,2} Новосибирский государственный театральный институт
Новосибирск, Россия

¹ ngti2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7860-7927>

² maksimova1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-7824>

Аннотация

В контексте коммуникативной событийности систематизируются представления о созерцательном акте и выделяются его специфические особенности. Рассматривается созерцательный тип установки (интенционально-заинтересованное внимание чему-либо), а также способы ее языкового, текстового овнешнения; на основе анализа активности / пассивности субъекта и объекта обосновывается их интересубъектная основа взаимодействия. Вводятся три типа оппозиций, позволяющих очертить границы созерцательной ситуации: созерцание – действие, созерцание – знание, созерцание – истолкование. Исследуется рефлексия созерцательного начала в научном и художественном дискурсах. Созерцание вводится в систему ступеней гуманитарного познания в качестве ее первого шага. Определяется двойная роль созерцания: его исходная и финально-сквозная функции в когнитивно-семиотических процессах.

Ключевые слова

событийность созерцания, активность / пассивность наблюдателя, рефлексия созерцательного акта, текстообразование, ступени познания и функции созерцания

© Кузин В. И., Максимова Н. В., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 230–249

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2024, no. 2, pp. 230–249

Для цитирования

Кузин В. И., Максимова Н. В. Созерцание как компонент познавательного процесса // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 230–249. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-230-249

Contemplation as a Component of the Cognitive Process

Vasily I. Kuzin ¹, Natalia V. Maksimova ²

^{1,2} Novosibirsk State Theater Institute
Novosibirsk, Russian Federation

¹ ngiti2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7860-7927>

² maksimova1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-7824>

Abstract

In the context of communicative eventfulness, ideas about the contemplative act are systematized and its specific features are highlighted. The contemplative type of attitude (intentional-interested attention to something) is considered, as well as the methods of its linguistic and textual appearance; Based on the analysis of the activity/passivity of the subject and object, their intersubjective basis of interaction is substantiated. Three types of oppositions are introduced to outline the boundaries of the contemplative situation: contemplation – action, contemplation – knowledge, contemplation – interpretation. The reflection of the contemplative principle in scientific and artistic discourses is explored. Contemplation is introduced into the system of stages of humanitarian knowledge as its first step. The dual role of contemplation is determined: its initial and final-through function in cognitive-semiotic processes.

Keywords

eventfulness of contemplation, activity/passivity of the observer, reflection of the contemplative act, text formation, stages of cognition and functions of contemplation

For citation

Kuzin V. I., Maksimova N. V. Contemplation as a Component of the Cognitive Process. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2024, no. 2, pp. 230–249. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-230-249

Введение

Созерцание – во многом недооцениваемый и в силу этого мало изученный компонент когнитивно-семиотических процессов. Его суть может быть рассмотрена в аспекте коммуникативной событийности: как взаимо-

связаны между собой специфически организованные в созерцательном акте составляющие коммуникативного события? Укажем на три из них. Это прежде всего созерцательно-интенциональный интерес: установка познающего субъекта характеризуется пристальным всматриванием, вслушиванием, наблюдением. При этом для удивления-остановки связано с устранением внешней активности и феноменом заинтересованного внимания (чему-либо). Другая составляющая – это специфически внешневаемая в акте созерцания форма высказывания: стиль, приметы бытования порождаемых форм речемыслительного произведения. Такие формы можно видеть как на уровне актантного анализа, так и на уровне текстообразования. Третья составляющая – «неопосредуемый объект», функционально характеризующийся воздействием на субъект – и, как следствие, включенностью в интерсубъектное взаимодействие.

Представление о коммуникативном событии, выступающее методологической, инструментальной опорой, позволяет определить роль, которую играет или может играть созерцание в когнитивных процессах и их описаниях. Речь идет не только о когнитивной деятельности ученых, которые работают над получением нового знания, но и о познавательных действиях в процессе обучения, когда ученик осваивает уже имеющиеся у человечества знания. Цель статьи состоит в определении места созерцания в познавательных процессах. Эта цель реализуется через ответы на вопросы: как устроена ситуация созерцания, какое место оно занимает в ряду ступеней познания, каковы функция и специфика созерцательной ситуации в познании, как эта ситуация реализуется в практико-ориентированных средах?

* * *

Когнитивные способности человека реализуются в его установке по отношению к объекту познания. Они также проявляются и в созерцательной установке, внешние границы которой можно определить через ее соотношение с действием, истолкованием и устоявшимся знанием. Представляется, что такой набор оппозиций (созерцание – действие, созерцание – истолкование, созерцание – знание) моделирует контекст поиска инварианта созерцательной ситуации.

Созерцание – действие

Созерцательную жизнь часто противопоставляют жизни деятельной. Деятельность связывают с активностью, а созерцание – с пассивностью.

Это в целом звучит тривиально, но относительно процесса познания необходимо сделать некоторые уточнения. Мы полагаем, что в познании человек всегда выступает активной стороной – при взаимодействии с миром именно человек создает картину мира. Но в процессе такого создания картины мира степень активности человека может меняться. В этом смысле созерцание – это специальная установка, когда субъект намеренно минимизирует свою активность по отношению к объекту и «позволяет» самому объекту воздействовать на себя¹. Субъект способен действенно и активно занять позицию незаинтересованного пассивного созерцателя. Содержательное противоречие важно методологически: созерцание в этом случае – это пассивность внутри активности. По аналогии с картезианским методическим сомнением эту намеренную пассивность исследователя можно назвать «методическим созерцанием».

Это же противоречие в соотношении пассивного и активного начал (видимо, центральное для категории созерцания) характеризует и языковую картину мира², в которой ситуация созерцания задана актантной структурой переходного глагола *созерцать* и соответствующей структурой предложения: субъект – действие – объект (*Я созерцаю нечто*). Имеется субъект-подлежащее, есть глагол-сказуемое с семантикой перцептивности и есть объект (дополнение в косвенном падеже), который испытывает воздействие субъекта. Формально всё по правилам активного залога: расстановка активного субъекта и пассивного объекта задана синтаксически. Доминанта одушевленности существительного-субъекта и неодушевленности существительного-объекта дополнительно поддерживают их активный и пассивный статусы³. В то же время семантика глаголов *наблюдать*,

¹ Созерцание является существенным компонентом эстетического отношения к действительности в теории Канта, в частности, относительно *суждений вкуса*. Кант пишет: «Каждый согласится, что суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, пристрастно и не есть чистое суждение вкуса» [1994, с. 72]. И далее: «Суждение вкуса чисто *созерцательно*, то есть оно индифферентно по отношению к существованию предмета и связывает его свойства лишь с чувством удовольствия и неудовольствия» [Там же, с. 77].

² Речь идет о русском и других индоевропейских языках.

³ Заметим, что если мы попробуем повысить активность объекта (например, возьмем в качестве дополнения одушевленное существительное), то лексико-грамматическая сочетаемость глагола «созерцать» будет препятствовать этому: словарная норма предписывает «созерцать *что*»: в качестве объекта должно быть неодушевленное существительное, с его характеристикой пассивности.

созерцать, любоваться и т. п. передает не действие, а состояние. Такой тип семантики в лингвистике называют статальным (семантика покоя, неподвижности) и противопоставляют его событийной семантике, семантике динамического действия. Наиболее явно семантика состояния выражена в русских безличных предложениях, не допускающих именительного падежа, т. е. грамматического подлежащего. В безличных предложениях может быть только логическое подлежащее: обозначение субъекта передается его косвенной грамматической формой: *Мне радостно. Ему смешно. Со мной беда*. Субъект состояния – это пассивный субъект. Еще и этим обусловлена устойчивая ассоциация: «созерцание – пассивность». Такое противоречие отношений грамматической и лексической семантики характеризует в целом ситуацию созерцания. Субъект-созерцатель стремится к освобождению сознания, к некой его отрешенности от намерений, прагматических задач. Предаться непосредственному, незамутненному воздействию феномена («первоисточника»), отдать себя воспринимаемому объекту – одна из задач созерцателя. В результате объект характеризуется функцией воздействия (субъектной функцией), а субъект – функцией испытываемого это воздействие (объектной функцией).

При этом действия созерцателя по устранению своей активности и отдаванию своего сознания воздействующей силе объекта весьма непросты, они требуют иногда нетривиальных усилий, большой внутренней работы. Поэтому в данном случае правильнее использовать антитезу внутреннего и внешнего при описании активности / пассивности субъекта созерцания. Он внешне пассивен (ситуацию созерцания характеризует пауза, молчание, замедление, остановка), но, как следует из вышесказанного, внутренне он может быть весьма активен.

Оппозиция «созерцание – действие» имеет большое значение для философии А. Шопенгауэра. Результатом традиционного для философии деление мира надвое для Шопенгауэра становится различение мира как воли и мира как представления⁴. Далее, мир представлений формируется в познавательной деятельности субъекта. А так как познающий субъект двойственен, то двойственен и мир его представлений. Шопенгауэр различает в человеке *волящего индивида* и *чистого субъекта познания (созерцания)*⁵.

⁴ Это различение Шопенгауэр выносит в название своего основного труда – «Мир как воля и представление».

⁵ Шопенгауэр здесь опять-таки следует за Кантом, который различал в человеке эмпирического субъекта и трансцендентального субъекта.

Чистый субъект познания объективирует мир в форме *идей*⁶. Идеи Шопенгауэр понимает совершенно в платоновском смысле⁷, подчеркивая их роль в качестве образцов для отдельных вещей. Идеи – это результат познавательной деятельности чистого субъекта созерцания. Индивид же познает мир в соответствии с законом основания. Иначе говоря, другая форма мира представления («вторая ступень объективации воли») есть проявление деятельности *волящего индивида* – индивида, движимого волей⁸. Таким образом, волящий индивид и чистый субъект познания порождают разные формы мира представления⁹.

Мир волящего индивида образует привычную эмпирическую реальность, известную нам жизнь. Этот мир всегда с нами. Напротив, чтобы приблизиться к постижению сущности вещей – к идеям, – человеку и необходимо сделать «усилие пассивности», отстраниться от действия и занять позицию созерцания. Ведь «возможный, хотя и лишь в виде исключения, переход от обыденного познания отдельных вещей к познанию идеи совершается внезапно, когда познание освобождается от служения воле и субъект вследствие этого перестает быть только индивидуальным, становится теперь чистым, безвольным субъектом познания, который не следует более, согласно закону основания, за отношениями, но пребывает в спокойном созерцании предстоящего объекта вне его связи с какими-либо другими и растворяется в нем» [Шопенгауэр, 1992, с. 193]. Такие

⁶ Шопенгауэр: «Итак, я понимаю под *идеями* каждую определенную и твердую ступень *объективации воли*, поскольку воля есть вещь в себе и потому чужда множественности; эти ступени относятся к определенным вещам как их вечные формы, или их образцы» [Шопенгауэр, 1992, с. 156].

⁷ «...Эти *ступени объективации воли*, говорю я, есть не что иное, как *платоновские идеи*» [Шопенгауэр, 1992, с. 155].

⁸ Задолго до Шопенгауэра подобное различие встречается в 1 чжане трактата «Дао Дэ Цзин»: «Поэтому, кто свободен от страстей, видит его чудесную тайну [дао], а кто имеет страсти, видит его только в конечной форме» (пер. Яна Хиншуна).

⁹ «Итак, в качестве индивидов мы не обладаем другим познанием, кроме подчиненного закону основания, а так как эта форма исключает познание идей, то несомненно, что если и возможно подниматься от познания отдельных вещей к познанию идей, то это происходит лишь потому, что в субъекте совершается изменение, соответствующее и аналогичное великой перемене во всем характере объекта, – изменение, благодаря которому субъект, поскольку он познает идею, более уже не есть индивид» [Шопенгауэр, 1992, с. 191].

внезапные переходы, в которых происходит как бы «отключение» воли, случаются иногда в жизни (например, при созерцании природы). И они составляют сущность искусства – как художественного творчества, так и восприятия произведений искусства.

Созерцание – истолкование

Человек не может познавать, не истолковывая. Он неизбежно интерпретирует реальность, становясь «понимателем»¹⁰. Но и здесь, внутри своей роли понимателя, субъект может занимать позицию, которую можно охарактеризовать как *воздержание* от истолкования или как минимум *торможение* истолкования. Такое воздержание, которое в философии часто обозначается греческим словом *эпохе*, по мнению многих философов, способствует более полному, детальному и даже *истинному* восприятию самого мира¹¹.

Человек осуществляет свою познавательную деятельность не только в сфере науки, но и в искусстве. В особенности это заметно в *исполнительских искусствах* – театре и музыке. Исполнитель изучает произведения композитора или драматурга с целью их интерпретации и воплощения на сцене или эстраде. И здесь созерцательная позиция по отношению к авторскому тексту является очень важной. Так, например, методика режиссерской работы над пьесой предполагает отчетливое разделение двух этапов: во-первых, понимание *самой* пьесы и, во-вторых, ее интерпретация в спектакле. Конечно, невозможно проанализировать пьесу, не истолковывая ее, но методически режиссер стремится к тому, чтобы на этом этапе минимизировать собственную интерпретацию и прочесть авторский текст

¹⁰ Неологизм М. Веллера.

¹¹ *Эпохэ*, также *эпохэ́* (греч. ἐποχή – «задержка, остановка, удерживание, самообладание») – принцип рассуждения в философии, который означает приостановку всех метафизических высказываний-суждений о бытии предмета вне воспринимающего его сознания. Термин впервые встречается у Аристотеля и получает дальнейшую разработку у Пиррона. Принцип *эпохе* является одним из ключевых понятий скептицизма и феноменологии. Осуществляя *эпохе*, субъект исключает из поля зрения все – накопленные историей научного и ненаучного мышления – мнения, суждения, оценки предмета и стремится с позиции «чистого наблюдателя» сделать доступной сущность этого предмета. (См. статью «Эпохе» в Википедии, где удалось точно и полно обобщить представления об этом понятии.)

максимально «объективно». Аналогично обстоят дела и в актерском искусстве.

Так, например, Б. Брехт предостерегает актера от слишком быстрой интерпретации: «Актеру нельзя слишком рано “вживаться в образ”, он должен как можно дольше оставаться читателем» [Брехт, 1965, с. 104]. Проблема «слишком быстрой» интерпретации присутствует и в научном познании. Например, Бэкон в учении об «идолах познания» на первое место ставит идолов *рода*. Вообще «идолы познания» – это основные формы заблуждений, ошибок, которые допускает человек в познании мира. К идолам рода он относит погрешности познания, связанные со свойствами человеческого мышления вообще. Так, он полагает, что все люди склонны делать *поспешные* теоретические обобщения, опираясь на небольшое число исследованных случаев¹². Следовательно, намеренное торможение, замедление процесса познания, по мнению Бэкона, может сыграть положительную роль. Замедление как раз и достигается в созерцании. Отметим, что и современные последователи Бэкона в этом вопросе, изучающие *когнитивные искажения*, отмечают склонность людей строить необоснованные генерализации¹³.

Одним из путей предупреждения таких искажений как раз и выступает созерцание – намеренно продленное наблюдение объекта. Б. Брехт подчеркивает значимость созерцания в работе актера: «Наблюдение – основной элемент сценического искусства. Актер наблюдает других людей, и, когда он подражает им всеми своими мышцами и нервами, это для него одновременно и процесс мышления» [Там же, с. 197]. Обратим внимание, что, с точки зрения Брехта, наблюдение (созерцание) само уже есть мышление: оно не дополняется мышлением, а включается в него.

Для художника существует мышление в красках и линиях, для музыканта – в звуках. Для разных аспектов мира пригодны различные формы мышления. Бывает и так, что ученый приступает к исследованию какого-

¹² «Эти лживые приатки чистого опыта Бэкон называет “идолами”, и учение об ошибочных представлениях он ставит в параллель к учению о лжесиллогизмах древней диалектики. Ложными представлениями являются прежде всего “обманчивые представления рода” (*idola tribus*), обусловленные человеческой природой вообще, и побуждающие нас искать всегда в вещах цель и порядок, делать себя мерой внешнего мира, слепо отдаваться возникшим вследствие случайных впечатлений представлениям и т. п.» [Виндельбанд, 1997, с. 324].

¹³ См., например, работы Даниэля Канемана «Думай медленно, решай быстро», «Шум. Несовершенство человеческих суждений».

то фрагмента мира с «чуждым» инструментарием. Шопенгауэр полагал, что в геометрии Евклида в основном используется неадекватный для этой науки метод, а именно – метод логический. Адекватным же предмету геометрии – пространственным объектам – Шопенгауэр считал *созерцательный* метод¹⁴. Он показывал, что истинность по крайней мере некоторых теорем может быть непосредственно *усмотрена*, а не только логически выведена¹⁵.

Оппозиция «созерцание – знание»

Оппозиция «созерцание – знание» близка к предыдущей. Она отличается тем, что здесь речь идет не о получении нового знания, а об использовании готового, имеющегося знания. В связи с предыдущей оппозицией мы говорили об истолковывающей деятельности самого созерцающего индивида. Теперь же речь идет о знании, накопленном нашими предками. Это знание может быть осознаваемым либо неосознаваемым, но оно всегда присутствует в сознании. Мы всегда уже что-то заранее знаем о мире в целом и об объекте созерцания. В различных гносеологических концепциях такие знания называют исходными представлениями, допредикативными очевидностями, а также предрассудками, предрассуждениями и т. д. Предшествующее знание позволяет новым поколениям исследователей не начинать познание «с нуля», а двигаться вперед от уровня, достигнутого предшественниками. Однако предшествующие знания могут не только открывать, но и заслонять мир и пути к его пониманию. Поэтому, например, западная философия от Парменида и Гераклита начинается со стремления заменить готовое *мнение* вновь открытым истинным *знанием*. Философы хотят добраться до самой реальности, пройдя сквозь суждения людей о реальности. Добраться до самой реальности – это значит «очистить» ее от наслоений: заблуждений, ошибок, мифов. Реальность сокрыта слоем мнений, и потому она сама пребывает в потаенности. Открытие ре-

¹⁴ «Для улучшения математического метода в особенности необходимо отрешиться от предрассудка, будто доказанная истина имеет какие-то преимущества сравнительно с познанной наглядно или будто логическая истина, основанная на законе противоречия, лучше метафизической, которая непосредственно очевидна и к которой принадлежит также чистое созерцание пространства» [Шопенгауэр, 1992, с. 112].

¹⁵ В научной среде бытует шутка о первичности «метода тупого разглядывания».

альности, выведение реальности в непотаенность греки называли словом *алетейя*, которое мы обычно переводим как «истина».

Стремление добраться до реальности выражено в афористичном призыве Э. Гуссерля «Назад к самим вещам!»¹⁶. Созерцание в этом аспекте – методологическая установка, когда мы на определенный момент намеренно устраним имеющиеся у нас знания о мире и попытаемся увидеть «сами вещи». Такую установку регулярно практикуют не только философы, ученые или педагоги. Она хорошо известна музыкантам-исполнителям, режиссерам. Когда они приступают к постановке уже многократно исполнявшихся произведений, то целенаправленно отвергают все известные решения (интерпретации, каноны, штампы) и обращаются к *самим текстам* произведений.

Реализация ситуации созерцания в познавательно-обучающей среде

В тех областях знания, где доминирует практическая деятельность, ситуация созерцания может видоизменяться. Существует целый ряд практик, которые фактически подразумевают созерцание, однако никогда не обращаются к этому понятию. В ситуациях познавательно-обучающего типа термин «созерцание», как правило, не используется. Более того, тот идеальный образ созерцательной ситуации, который описан выше, закономерно преобразуется в любой среде, тем более в практико-ориентированной.

Но само понятийное содержание может регулярно востребоваться. Прежде всего там, где педагогические установки связаны с развитием культуры мышления. Так, при обучении способам восприятия художественного слова педагог может осознанно культивировать ситуацию столкновения ученика и незнакомого литературного текста – в их прямом, ничем не опосредованном взаимодействии. Столкновения, не подготовленного предисловиями, наводящими вопросами, когда текст намеренно читается с нейтральной, устранивающей какие-либо смысловые акценты интонацией. Столкновения с намеренным педагогическим самоустранением,

¹⁶ «В эпоху живой реакции против схоластики боевым кличем было: “долгой пустые анализы слов”. Мы должны спрашивать у самих вещей. Назад к опыту, к созерцанию, которое одно только может дать нашим словам смысл и разумное право» [Гуссерль, 2000, с. 693].

когда ученик и текст остаются один на один¹⁷. Самоустранение – сложный момент для педагога, поскольку требует высокого уровня доверия ученику, уважительного отношения к его непосредственной реакции, к его отклику «с чистого листа». Ведь обычно педагогом владеют «идолы познания»: контуры восприятия им заданы, векторы понимания намечены, а нередко и жестко размечены. Созерцательные действия должны задавать культуру читательского и даже литературоведческого мышления: они позволяют вернуться «к самим вещам» и заново соотносить с ними имеющиеся интерпретации, стереотипы, штампы, привычные понятия. Способность снова и снова вслушиваться, всматриваться в текст страшит опыт толкования опытом созерцания, становящегося своего рода «охранной грамотой» процессов понимания.

Нередко в познавательных-обучающих ситуациях используют термин *наблюдение*. Терминологическое преобразование «созерцания» в «наблюдение» характерно для ряда естественнонаучных познавательных областей, а также для языкознания. Наблюдение за речью, речевое внимание, речевая рефлексия – важные компоненты развития культуры лингвистического мышления. Специальный учебный жанр – дневник речевого наблюдения – вырабатывает привычку видеть и слышать слово, фиксировать речевые факты¹⁸. К такому дневнику подходит метафора зеркала («Я в зеркале собственной речи»), вглядываясь в которое, можно рассмотреть свой и чужой речевой опыт, его особенности, детали, увидеть речевой портрет человека.

Дневниковый опыт (он может быть представлен самыми разными вариантами: дневник чтения, дневник размышлений, педагогический днев-

¹⁷ Важно указать на образцы такого опыта: среди них опыт преподавательской деятельности в вузе и школе Э. Н. Горюхиной, отраженный в материалах Первых – Третьих Горюхинских чтений (НГПУ. 2018–2022 годы). См., например: Третьи Горюхинские чтения. Декабрь 2022 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=d11denvxExc&list=PLNvjYtRR-z0boNrw8y9YXVawI_pTU36K&index=2, время 00:50–01:13 (дата обращения 21.05.2024).

¹⁸ Дневник включает наблюдения, комментарии к ним, развернутые и краткие размышления, постановку задач по речевому саморазвитию. Рубрики создаются совместно с педагогом, а затем и самостоятельно. Одна из них свободная: это наблюдения речевых явлений, которые заинтересовали, удивили, остановили внимание. Подробнее о дневнике как о посреднике в семиотических процессах освоения языка см. [Троицкий и др., 2023].

ник¹⁹, дневник речевых наблюдений и др.) развивает созерцательное начало и склонность быть «человеком за письменным столом» (известная формула Л. Я. Гинзбург, использованная в названии ее, по сути, дневниково-вой книги заметок, записок, эпизодов, фраз). Автокоммуникативное поведение в познавательной культуре взаимосвязано с развиваемым вкусом к исследовательскому наблюдению, с потребностью всматривания, любования (по известной формуле М. Пришвина: «пишу – значит, люблю») той или иной ситуацией, это способ удерживания своих отношений с предметом взаимодействия и самим собой как другим. При этом дневниковые практики (этюды, наброски, черновики, заметки, планы и зарисовки, собственно дневники и др.), воплощая культуру созерцания, выступают инструментом развития не только уединенного, но и конвергентного начала [Стратегии понимания..., 2024, с. 12–15]. «Письмо изменяет “я”, оно его универсализирует. <...> Письмо заменяет собой глаз другого. Пишущий чувствует себя в некотором роде рассматриваемым другими, он больше не один, но часть человеческого сообщества, молчаливого собеседника. Формулируя на письме свои личностные акты, мы попадаем в действующий механизм разума, логики, универсальности, мы объективируем то, что было смутно и субъективно» [Адо, 2005, с. 306-307]. Дневниковая практика речи приравнивается здесь нами к созерцательной.

При видимой непосредственности состояния созерцания в нем имеется своя архитектоника. Созерцательная деятельность носит двутактный характер, поскольку требует овнешнения усилий внутреннего активного действия – для его диагностирования, корректировки, дальнейшего развития. Если первый такт – это созерцательное вслушивание, всматривание, наблюдение какого-либо феномена, накопление внутреннего переживания, то второй – это удерживание внутреннего в овнешненной форме (текста, рисунка, схемы, изображения). Эту овнешненную форму характеризуют обрывочность письма, предтекстовость, черновиковость – близость к внутренней речи с ее особенностями предикативности, фрагментарности, речи для себя.

Нередко созерцание может присутствовать лишь формально, сводиться к минимуму либо скоропалительно замещаться иными действиями (быстрый переход к готовым выкладкам, преждевременные обобщения, отчужденные интерпретации), необходимыми при обучении и важными в процессе познания, однако необоснованно вытесняющими свободное,

¹⁹ Методический жанр, изобретенный и практиковавшийся Э. Н. Горюхиной.

с обязательностью включенное в познавательный процесс наблюдение. Возникает одно из коренных противоречий. С одной стороны, в реальной образовательной практике количество информационных потоков нарастает, и формальные методы диагностики вытесняют установки на живое наблюдение, размышление²⁰. С другой стороны, в теоретических концепциях современности развитие мышления, личности ставится во главу угла. В результате этого противоречия возникает отчужденность знания от познающей личности, перекрывающая путь к самостоятельности мысли. А это, в свою очередь, обуславливает образовательные дефициты, связанные с некачественными процессами и результатами понимания и взаимопонимания.

Отсутствие или фрагментарность, слабость созерцательного звена обуславливает и феномен функциональной неграмотности, осознаваемый как существенная проблема современной педагогики. Так, выпадение наблюдений за живой речью из технологии обучения русскому языку остается одним из наиболее существенных упущений лингводидактики. Оно оказывает негативное влияние на весь ход и на результаты языкового образования, характеризующиеся низким уровнем мотивации речевой и метаречевой деятельности и противоречит культурно-исторической концепции Л. С. Выготского (об этом более подробно см. работу [Троицкий и др., 2023]).

В результате вытеснения созерцательных ситуаций формами внешней активности упускаются такие исходные звенья познавательной работы, как чтение, размышление, всматривание, переживание, удивление, непонимание, сосредоточенное внимание. Они не так легко описываются на языке измерителей, внешних достижений и потому могут обесцениваться. Развитие культуры созерцания опирается на восприятие первоисточников, а также не допускает «перескакивания через собственное существование как развертывание в настоящем моменте и неприятие собственной субъектности как таковой, в ее потоковой природе» [Кожевникова, 2019]²¹.

²⁰ Теряется способность внутреннего сосредоточения, развитого внимания; вытесняются затратные по времени ситуации смыслопорождения, проведение наблюдений, опытов, экскурсий, проживание точек удивления и создание самобытных размышлений (чужая речь вытесняет свою).

²¹ В образовательной среде реализуются попытки развития культуры созерцания, воплощающиеся, например, в «педагогике молчания»: курсы «Культура внимательности», «Уроки тишины» [Кожевникова, 2019].

Созерцание – неотъемлемый аспект познавательного процесса²². Но если о созерцании с определенной долей условности можно сказать, что оно есть познание, то познание, конечно, есть не только созерцание. Тогда следующий вопрос – о роли созерцательных ситуаций в когнитивном акте.

О двойной роли созерцания в познавательной ситуации

Первая роль созерцания связана с его исходным положением в познавательной ситуации. Начальный этап, образуя почву интеллектуального, эмоционального, чувственного опыта взаимодействия с объектом познания, может давать импульс всему дальнейшему когнитивному процессу. При описании естественнонаучных моделей познания эта *исходная роль* созерцания применяется достаточно последовательно²³. В области же гуманитарного знания она может оставаться «за скобками».

Так, в Концепции гуманитарного образования Школы понимания выделяются следующие восходящие ступени: созерцание (наблюдение) – фиксация – систематизация – идентификация – объяснение – интерпретация [Стратегии понимания..., 2024, с. 15–19]. Первая из них связана с наблюдением за материалом, за самим объектом познания и предполагает освоение специфических созерцательных инструментов (способов наблюдения как компонентов, составляющих культуру созерцания). Эта ступень часто отсутствует в моделях познания, в метаописаниях. Созерцательные действия могут выпускаться и из управления познавательной деятельностью, из обучения ей. Как видно, созерцание – пропущенная ступень многих гуманитарных технологий.

Вторая роль созерцания определяется его сквозным местом в структуре познания. Наблюдение за исследуемым объектом, понимаемое в контексте созерцания, с высокой степенью вероятности может актуализироваться на каждой из пяти последующих ступеней гуманитарного познания (от фиксации до интерпретации). Если для остальных типов действия эта их вос-

²² Нередко номинации познания и созерцания семантически сближаются, синонимично взаимозаменяются (например, в переводах работ С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра).

²³ Уже в школьном учебнике естествознания (например, под ред. Е. В. Чудиновой и Е. Н. Букваревой) наблюдение называется первым среди способов познания и путей развития естественнонаучного мышления.

требуемость на иных ступенях познания факультативна, то для созерцательных актов она принципиальна. Особенно на ступени интерпретации, когда в финале истолкования возврат к исходному объекту выступает верификационным действием, рефлексивным шагом проверки или самопроверки и позволяет минимизировать исследовательские риски, связанные с субъективностью истолкования или адекватностью выбора его способов и в целом интерпретационной логики (из возможных вариантов). Поэтому точнее говорить о *финально-сквозной роли* созерцательного компонента. Обратимся с этой точки зрения к пониманию в сфере описания творческих процессов.

В рефлексии позднего русского модернизма архитектура творческого акта описывается М. Пришвиным через понятие творческого внимания, которое он также называет «родственным вниманием, открывающим всегда что-то новое. <...> Этому вниманию всегда предшествует мгновение гармонического спокойствия»²⁴. Оно «не исключает причастности бурным перипетиям жизни, но среди бурь часть души должна оставаться неизменно спокойной, наблюдая за бурями с высоты и сообщая их образу целостности» [Кузнецов, 2023, с. 61]. Мысль о раздвоении художника в акте творчества была свойственна не только Пришвину. Б. Пастернак считал, что во внутреннем мире творца выделяются «младшая» и «старшая» части, первая из которых мятётся в «скрещениях» (во впитывании опыта взаимодействия с миром), а вторая покоится и «отражает» первую, «замыкая» ее [Кузнецов, Ляляев, 2020, с. 27–35].

Выделенные по отношению к структуре познавательного акта роли созерцания аналогичны и двойному «месту созерцателя» – так назван раздел книги Л. Фуксона «Толкования» [2018, с. 181–190], где позиция созерцателя описывается как существенный компонент понимания художественного произведения. Происходящее в этом понимании «типологическое раздвоение» выводит читателя и исследователя художественного текста на грань и взаимное дополнение реальности и вымысла, сочувствия и оценки, бытия и смысла [Там же, с. 181–182]. По отношению к ступеням познания это означает, что важны обе роли созерцания. Важно созерцание, которое происходит до концептуализации (переживание, вслушивание, всматривание в реальность самих вещей, их «тупое разглядывание» с наивными реакциями профана). Но важно и созерцание на ступени интерпретации, когда образ «вещи» вписан в целое когниции, когда он концептуализирован

²⁴ Миниатюра «Ангел гармонии», 1949 г.

и предстает для исследователя уже в «разумном» свете; у Б. Пастернака используется образ «увеличительного стекла» как инструмента оцелостнения. Если по отношению к восприятию художественного произведения вторая роль – это, по Л. Ю. Фуксону, «эстетический отклик» созерцателя, то в познавательном акте эту роль созерцателя можно назвать «аналитическим», «концептуализирующим» откликом. Субъекту когнитивного акта важно соотнести обе роли с точки зрения их необходимой взаимной дополнительности. Соотнести рефлексивно, намеренно, чтобы убедиться в правомерности, целостности состоявшегося события понимания²⁵.

Пьер Адо в книге о духовных упражнениях пишет: «...чудо восприятия, открывающего для нас мир», состоит «только благодаря размышлению о восприятии, обращению внимания, при помощи которых мы меняем наше отношение к миру, мы удивляемся миру... Тогда мы видим в некотором роде, как мир появляется перед нашими глазами впервые» [Адо, 2005, с. 328]. А И.-В. Гёте описывает диалектическую динамику перехода от созерцания (восприятия) к размышлению, говоря о разных способах «пристального всматривания»: «...беглый взгляд на предмет мало что дает. Всякое же рассмотрение переходит в рассматривание, всякое рассматривание – в размышление, всякое размышление – в связывание, и поэтому можно сказать, что при каждом внимательном взгляде, брошенном на мир, мы уже теоретизируем. Но надо научиться теоретизировать сознательно, учитывая свои особенности, свободно и, если воспользоваться смелым выражением, – с иронией; такое умение необходимо для того, чтобы абстрактность, которой мы опасаемся, оказалась безвредной, а результат опыта, который мы ожидаем, – достаточно живым и полезным» [Гёте, 1957, с. 263].

В контексте обсуждения функций созерцания обратим еще внимание на мысль А. Кончаловского, который среди проблем современного творчества в качестве главной выделил отсутствие или минимизированность созерцательной позиции художника (затратной по времени и мало вписыва-

²⁵ Здесь возможна аналогия. С именем Б. Паскаля связывают переход от созерцания как умозрения к созерцанию как умонастроению. В работе Е. Н. Трубецкого «Умозрение в красках» [2012] представлен синтез этих двух начал – рационального и эмоционально-чувственного.

вающейся в темпоритм человека XXI в.), что ограничивает возможности творчества²⁶.

Заключение

При всех различных нюансах в трактовке созерцания объединяющим является важнейший для познания смысл: это улавливание сути вещей при непосредственном опыте взаимодействия с познаваемым предметом. Это возможность схватывания существенного, наиболее важного. Созерцательное начало может быть связано с непосредственным (непосредственным) наблюдением, с практиками погружения в смысл, с обнаружением скрытого знания, с настройкой субъекта на дорациональный отклик-взаимодействие с феноменом. Внешне созерцание может сопровождаться остановкой, молчаливым непониманием, любованием, ддящимся удивлением, появлением догадки, намерения отклика, автокоммуникацией (в виде вопросов, непониманий, фиксирования точек удивления, противоречий, парадоксальных сторон или, напротив, в виде ответов на вопросы, интуитивного схватывания целостной картины или отдельных сторон возникающей целостности, в аспекте красоты и гармоничности восприятия, преданалитического видения системных отношений).

Подводя итог, подчеркнем значимость моделирования представлений о ситуации созерцания в теоретическом и практическом аспектах. На практике видение вариантов реализации созерцания важно для их распознавания, идентификации, правильного понимания их места и функций, а также для определения способов организации этих ситуаций, для адекватного управления ими. В теоретическом ключе это важно для формирования инвариантного образа ситуации созерцания и научной интерпретации ее отдельных компонентов и процессов.

Список литературы

Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. 448 с.

Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания: В 5 т. М.: Искусство, 1965. Т. 5/2. 566 с.

²⁶ См. интервью А. Кончаловского: https://youtu.be/w3K_6q_3wHc (21:50–24:20 мин.).

- Виндельбанд В. История философии. Киев: Ника-Центр, 1997. 560 с.
- Гёте И. В. К учению о цвете (хроматика) // Гёте И. В. Избр. соч. по естествознанию / Пер. и коммент. И. И. Канаева; под ред. Е. Н. Павловского. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 553 с.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. 752 с.
- Кант И. Критика способности суждения М.: Искусство, 1994. 367 с. (История эстетики в памятниках и документах)
- Кожеевникова М. Н. Проблема созерцания и созерцательные практики в образовании // *Science for Education Today*. 2019. Т. 9, № 5. С. 72–95.
- Кузнецов И. В. «Глаза земли» Михаила Пришвина как текст позднего модерна // *Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры*. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 53–69.
- Кузнецов И. В., Ляляев С. В. Проза Бориса Пастернака: мир, образ, текст. Новосибирск: НГТИ, 2020. 184 с.
- Стратегии понимания и становление языковой личности: Коллективная монография / Под ред. Н. В. Максимовой. Новосибирск: Экселент, 2024. 170 с.
- Троицкий Ю. Л., Максимова Н. В., Албул Л. Г. Идея опосредствования Л. С. Выготского: семиотические и образовательные проекции // *Культурно-историческая психология*. 2023. № 2. С. 37–49.
- Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. Этюды по русской иконописи. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2012. 152 с.
- Фуксон Л. Ю. Толкования. Кемерово: КемГУ, 2018. 199 с.
- Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. 395 с.

References

- Brecht B. Teatr: P'esy. Stat'i. Vyskazyvaniya [Theater: Plays. Articles. Sayings]. In 5 vols. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965, vol. 5/2, 566 p. (in Russ.)
- Fukson L. Yu. Tolkovaniya [Interpretations]. Kemerovo, KemSU Press, 2018, 199 p. (in Russ.)
- Goethe J. W. K ucheniyu o tsvete (khromatika) [To the doctrine of color (chromatics)]. In: Goethe J. W. Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu [Se-

lected works on natural science]. Transl. and comments by I. I. Kanaev. Ed. by E. N. Pavlovsky. Moscow, AS USSR, 1957, 553 p. (in Russ.)

Hadot P. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercises and ancient philosophy]. Moscow, St. Petersburg, Stepnoy veterPubl., Kolo Publ., 2005, 448 p. (in Russ.)

Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a Rigorous Science]. Minsk, Kharvest; Moscow, ACT, 2000, 752 p. (in Russ.)

Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of judgment]. Moscow, Iskustvo Publ., 1994, 367 p. (in Russ.)

Kozhevnikova M. N. *Problema sozertsaniya i sozertsatel'nye praktiki v obrazovanii* [The problem of contemplation and contemplative practices in education]. *Science for Education Today*, 2019, vol. 9. no. 5, pp. 72–95. (in Russ.)

Kuznetsov I. V. “Glaza zemli” Mikhaila Prishvina kak tekst pozdnego moderna [“Eyes of the Earth” by Mikhail Prishvin as a late modern text]. In: *Literaturnoe nasledie Mikhaila Prishvina: kontekst otechestvennoi i mirovoi kul'tury* [The literary heritage of Mikhail Prishvin: context of domestic and world culture]. Moscow, IMLI RAN, 2023, pp. 53–69. (in Russ.)

Kuznetsov I. V., Lyalyaev S. V. *Proza Borisa Pasternaka: mir, obraz, tekst* [Prose of Boris Pasternak: world, image, text]. Novosibirsk, NSTI Press, 2020, 184 p. (in Russ.)

Maksimova N. V. (ed.). *Strategii ponimaniya i stanovlenie yazykovoi lichnosti* [Strategies of understanding and the formation of a linguistic personality]. Collective monograph. Novosibirsk, Ekselent Publ., 2024, 170 p. (in Russ.)

Schopenhauer A. *Collection Op.* In 5 vols. Moscow, Moskovskii klub, 1992, vol. 1, 395 p. (in Russ.)

Troitsky Yu. L., Maksimova N. V., Albul L. G. *Ideya oposredstvovaniya L. S. Vygotskogo: semioticheskie i obrazovatel'nye proektsii* [The idea of mediation by L. S. Vygotsky: semiotic and educational projections]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2023, no. 2, pp. 37–49. (in Russ.)

Trubetskoy E. N. *Umozrenie v kraskakh. Etyudy po russkoi ikonopisi* [Speculation in colors. Sketches on Russian icon painting]. Moscow, Moskovskaya patriarkhiya, 2012, 152 p. (in Russ.)

Windelband W. Istoriya filosofii [History of philosophy]. Kiev, Nika-Tsentr, 1997, 560 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Василий Иванович Кузин, кандидат философских наук, профессор
Наталья Викторовна Максимова, доктор филологических наук, доцент

Information about the Authors

Vasily I. Kuzin, Candidate of Sciences (Philosophy), Professor
Natalia V. Maksimova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 11.04.2024;
одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 15.05.2024
The article was submitted on 11.04.2024;
approved after reviewing on 15.05.2024; accepted for publication on 15.05.2024